

Протоиерей **Сергий Николаев**

Бесценное сокровище. Чтение

Книжная премудрость в России всегда была объектом почитания, восхищения и веры. Мы – генетические книгочеи. Книга лежит в фундаменте нашей цивилизации. Как же можно без нее? Россия – страна Слова и Книги, а русская классическая литература – восьмое чудо света. Любовь к чтению у русских особенная. Не случайно сложилась пословица, отразившая приоритеты народных характеров: «Русак до читанья, козак до спеванья, поляк до сказанья». Книгу ценили, предпочитая ее покупке прочим приобретениям. Мои родители рассказывали, как по выходным они ездили в большой букинистический в проезде Художественного театра в надежде купить что-то для домашней библиотеки (это в пятидесятые годы). Становились в очередь, чтобы получить подписку на собрание сочинений. И на моей памяти книги «доставали» через знакомых, у перекупщиков, выменивали. Тиражи были огромные. Нередко миллионные. Было такое популярное издание – «Роман-газета». На газетной бумаге в журнальном формате выпускали особенно востребованные у населения книги. Недавно попали мне в руки две журнальные тетради «Роман-газеты» с историческим романом-эссе Владимира Чивилихина «Память». Помню, как трудно было

его достать, давали друг другу на несколько дней почитать, и только по большой дружбе. А ведь это не беллетристика, а очень серьезная историческая вещь. Со многими историческими персонажами, географическими названиями. Да еще не раз на протяжении романа сменяющими свои имена, прозвища и топонимы в зависимости от исторической эпохи и различных источников информации. Такая литература не всякому по плечу и требует внимательного **умелого** читателя. А тираж романа, как следует из выходных данных, был 2 540 000 экземпляров. И это кроме предварительной публикации в журнале, с почти миллионным тиражом! И не хватало. Тиражами сверх миллиона издавались не только современные, так сказать, модные вещи, но и классика. Например, «Анна Каренина» в бумажном переплете, «Господа Головлёвы», «Герой нашего времени», «Детские годы Багрова-внука» и многие другие произведения. Читали всё и все!

Сегодня тиражи в десять-пятнадцать тысяч уже считаются существенными. Армия читателей значительно сократилась. Скажете, что печатные книги уходят в прошлое, что пришло время электронных носителей и интернета? Что читатели просто перешли из традиционной библиотеки в цифровую?

В какой-то степени – так. Но очень большая их часть или просто потерялась по дороге, или пропала еще до цифровой эпохи, в годы колоссального социального слома, когда образование и все, что с ним связано, в том числе и чтение, стало не востребовавшимся и лишним. Отношение к книгам тогда сильно изменилось. Главное было заработать. «Зачитаешься, в кармане не досчитаешься». А с переходом на цифру в школе книги вообще попали под опалу. Знаю случаи, когда в школе читающие ученики становились жертвой своих одноклассников. Их дразнили, всячески травили и даже поколачивали. Чтение книг вызывало у школьного общества какую-то неосознанную неприязнь, если не ненависть. Да и взрослой общностью сегодня приверженность книгам порой воспринимается как некая странность, бзик, чудачество. Людям это стало, как сейчас говорят, **не нужно по жизни**. И это сразу же отразилось на обыденной речи. Словарь за последние десятилетия до крайности обеднел. Да и само **слово** теряет свое значение. Люди перестали выражать себя словами, все больше эмоциями. «Здорово», «классно», «супер», «крышу сносит», «вау», «потрясно», «зашло». Это о том, что понравилось, что заинтересовало. Без объяснений, рассуждений,

без анализа своих переживаний, на это слов уже не хватает. А если что-то не понравилось, не «зашло», то слышим: «отстой», «зашквар», «жесть», «кринж», «треш», «фейл». Последние три «слова» вообще из чужого языка. Зачем? И даже для самых возвышенных сердечных переживаний – только «супер».

Язык общения в интернете – это особая статья. Там все чаще просто значки. Различные смайлики и прочее. А теперь еще и анимационный формат. Нет чтобы написать, выразить свою мысль или мнение словами. Обосновать позицию, представить свое видение, свой взгляд. Своими словами не пишут даже поздравления с праздниками или семейными событиями, а просто кликают на попавший под руку шаблон или электронную открытку, тексты и картинки которых большей частью пусты и вульгарны. Зато не надо самому думать. Какое-то повсеместное одичание, неудержимое стремление упростить словесное общение, свести его на уровень древних наскальных рисунков-символов.

И все же книги издаются, хоть и небольшими тиражами. Они востребованы и почитаются, пусть и не всеми подряд, а некой особо счастливой, на мой взгляд, частью общества – умелыми читателями. Пото-

му что «искусство чтения побеждает одиночество, разлуку, даль и эпоху. Это есть сила духа – оживлять буквы, раскрывать перспективу образов и смысла за словами, заполнять внутренние «пространства» души, созерцать нематериальное, отождествляться с неизвестными или даже умершими людьми и вместе с автором художественно и мыслительно постигать сущность богозданного мира» (И. Ильин). Правильное, нужное, утвержденное в книге слово нельзя изгнать из жизни. Оно необходимо и в качестве хранителя языка и исторической правды, и в качестве учителя мудрости, проводника мысли, воспитателя чувств, умного собеседника, источника открытий. Много еще чего из культурного наследия, накопленного человечеством за тысячелетия, может поглотить наш научный прогресс, но книжное слово останется. Не знаю в каком виде, но останется. Это наш культурный код: мы книгочеи.

Конечно, цифровизация сыграла свою роль в книгопечатании. Печатные книги становятся эксклюзивом. Массовому читателю предлагается цифра. И как всегда, новая «копия», новый формат понижает качество продукта. И чтение становится другим. Оно незаметно ускоряется, от этого теряются нюансы, тонкости. «Остерегайтесь привычки к «скоростному чтению», оно ведет к ослаблению внимания», – предупреждал академик Дмитрий Сергеевич Лихачёв. Теряются мелочи, а в чтении важны именно мелочи. Ибо самое главное часто кроется именно в мелочах. Замечу, что в то время, когда книги были рукописными, их читали только вслух. Этот способ чтения, при котором читатель наиболее приближается к автору, а текст лучше усваивается и запоминается. Речь читающего обогащается и облагораживается: «Прежде всего, язык через чтение приучается к доброречию» (святой Иоанн Златоуст). С появлением книгопечатания люди вскоре научились безмолвному чтению, то

есть стали читать «про себя». Скорость чтения увеличилась. Мысль не всегда успевает за текстом. Но ведь есть возможность замедлить процесс, возвратиться, посмаковать, остановиться на деталях.

Книги, особенно в хорошем издании и в хорошей сохранности, располагают к дружеству с автором, к взаимопониманию с ним, и они, в отличие от электронных текстов, могут быть любимыми. «У человека должны быть любимые произведения, к которым он обращается неоднократно, которые знает в деталях, о которых может напомнить в подходящей обстановке окружающим, и этим то поднять настроение, то разрядить обстановку (когда накапливается раздражение друг против друга), то посмешить, то просто выразить свое отношение к происшедшему с вами или с кем-то другим» (Д.М. Лихачёв). Таких книг не может быть очень много, и их присутствие не стеснит даже в самой малогабаритной квартире. И потом, своя небольшая библиотека – это как **свой** огород в отличие от магазина, который могут закрыть. Бумажную книгу «**закрыть**» значительно труднее, чем книгу в интернете.

Электронный текст «поглощается» быстро, можно сказать, «проглатывается», особенно с телефона. Мы «проглядываем» его, это вроде фотографического «моментального» чтения, «быстрочтения», о котором говорил академик. Для знакомства со специальными и бюрократическими текстами, такое чтение вполне приемлемо. Но не подходит для чтения текстов, которые апеллируют к душе человека. Впрочем, лучше читать так, чем вообще не читать. Но все же замечу – раз уж сложилось так, что у нас постоянно ориентируются на «продвинутую» Западную культуру, – что в традиционных классических университетах США, предназначенных для элиты, обучение и сегодня ведется только при помощи бумажных носителей. То же – в элитных английских школах. Значит, есть разница в усвоении?!

Я не против цифровых носителей, сам ими пользуюсь постоянно. И цифровизацию не кляню. Куда уж теперь без нее! Но всем нужно разумно пользоваться. То, что принято называть прогрессом, вроде бы упрощает нашу жизнь (бытовую, физическую и интеллектуальную, но не духовную). Его не остановить, даже если мы в нем не особо нуждаемся. Однако все его прогрессивные новшества требуют от нас ответственного отношения. Как воспользоваться научными открытиями, решать нам. А уж если мы бесправны в реализации этого решения, то необходимо хотя бы иметь свою позицию. И раз уж мы говорим о книгах, о литературе, приведу примеры из русской поэзии. В 1869 году Фёдор Николаевич Глинка, русский офицер, участник кампании 1812 года, поэт и писатель, задолго до изобретения первого самолета поэтическим вдохновением предсказал грядущую эру воздухоплавания. Он написал стихотворение «Две дороги», где сравнил старое шоссе и новую, только что появившуюся железную дорогу. Предвидя, что в будущем железная дорога тоже устареет, появится новая дорога и «смельчак взовьется выше гор», Глинка пишет: «И станет человек воздушный, / Плывя в воздушной полосе, / Смеяться и чугушке душной, / И каменистому шоссе».

А дальше, что будет дальше? А дальше – в зависимости от того, как распорядится человек новым изобретением. «А люди? – люди станут боги, / Или их громом пришибет», – решает поэт.

Автор предрекает не только улучшение жизни – «люди станут боги», у них появятся небывалые доселе возможности, но и вероятность гибели от этого новшества. Как военный, Глинка понимает, что «воздушная колея» может быть использована и в военных целях, и это приведет к невиданным и страшным разрушениям и жертвам. Человеку выбирать: ковровые бомбардировки или мирные перелеты на огромные расстояния.

Другой поэт, Андрей Белый, в 1921 году, когда только-только открыли энергию атома и еще не представляли, как ей распорядиться, писал: «Мир рвался в опытах Кюри / Атомной лопнувшей бомбой / На электронные струи / Невоплощенной гекатомбой».

Вряд ли целью опытов Кюри были жертвы Хирозимы. Это были просто научные опыты. Однако поэт уже видел возможности страшного оружия. Но нам знакомо и другое дитя этих опытов – **мирный** атом. Мы пользуемся энергией, вырабатываемой на АЭС. У нас атомные ледоколы, подводные лодки, "ядерная" диагностика в медицине. Открытие было полезно, тем более что произошло оно случайно. А случай, как писал Б. Паскаль, это псевдоним, под которым Бог представляется людям. Человечеству была дана новая возможность выбора.

В 1919 году в Петрограде поэт-провидец Николай Гумилёв в стихотворении «Слово» пишет о Божественном происхождении **слова**, которым сотво-

рен мир. О силе слова, останавливающей солнце. О священном трепете всей твари перед словом: «И орел не взмахивал крылами, / Звезды жались в ужасе к луне, / Если, точно розовое пламя, / Слово проплывало в вышине». Но вот появляются числа, и если родина слова – высший мир, Небо, то числа – слуги земного бытия, они для более низкой, простой земной жизни, для бытового обихода. Конечно, также нужного человеку. «А для низкой жизни были числа, / Как домашний, подъяремных скот. / Потому что все оттенки смысла / Умное число передает».

Да, числа умны, и «умному числу» под силу передать любую информацию. Почти любую. Потому что в Божественной, в духовной информации не так важен смысл, но – **благодать**. А она нередко понимается людьми душевными как безумие. *Душевный человек не принимает того, что от Духа Божия, потому что он почитает это безумием* (1 Кор. 2, 14). А вот поэт понял: «Но забыли мы, что осиянно / Только слово среди земных тревог, / И в Евангелии от Иоанна / Сказано, что Слово это – Бог». Число всего лишь слуга, тогда как **слову** дана творческая сила, оно **осиянно**, то есть священо. Так что в некоторых случаях не стоит слишком уповать на цифру.

Факт, что цифровизация расслабляет ум. Он уже отказывается производить простейшие действия с самыми малыми числами, вроде задачки для Буратино. Рука привычно тянется к калькулятору, благо он тут же, в телефоне. Это бытовая хозяйственная лень. Но расслабление от электронных гаджетов незаметно угашает и душевную, и **духовную** активность. Слушать, а не читать Евангелие, Псалтирь, молитвенное правило становится привычкой. Есть, конечно, такие случаи, когда такое решение вполне оправданно. Но это вынужденные случаи, а не повседневная практика. При чтении молитвенного правила мы производим определенную работу, причем очень серьезную. А слушая, даже внимательно, мы постепенно теряем навык личной молитвы. Если же говорить о Евангелии, то читая сами, мы каждый раз находим что-то новое, что-то нам открывается, что-то осмысливается во время чтения. Мы слышим свое сердце, его сегодняшнее настроение. Слушая даже хороших чтецов, известных духовников или отцов Церкви, мы слышим лишь то, что **они** прочли. Этого мало. То же и с Апостолом. Апостольские послания следует читать самим. Читать и размышлять, применять к себе. Может, иногда и неплохо послушать, как читает тот или иной священник или знакомый, духовно близкий тебе человек, чтобы насладиться общей молитвой. Но не постоянно. Молитва должна быть трудовой. Пусть потрудятся и мозги, и ножки (если возможно), и глаза, а лучше – еще и язык, и гортань. В церковных семьях, где есть дети, добрые родители стараются сами вслух читать Евангелие и Апостол своим домочадцам. Или читать по очереди, вместе с теми, кто уже способен к этому чтению. Есть практи-

ка читать каждому по одному или несколько стихов, и так до конца главы.

Кто-то может заметить, что когда-то в России Евангелие только слушали. Книг было очень мало, грамотных людей тоже. Только в церкви и слушали. В чем-то это правда, когда-то давным-давно так и было. Но тогда страна была православной, весь народ был верующим и церковным. Добродетель славил, а грех ненавидели и поносили. Все были заодно. Понятие нравственного и безнравственного тоже было общим. А сегодня народ разный, каждый под своим флагом и со своей программой правильной жизни. Добродетель в обществе не славится и не всегда имеет авторитет. Понятие греха размыто, нравственное от безнравственного не отличишь. Только Господь и Его Святая Церковь сохраняют нас от гибели. Церковная служба и таинства. Священное Писание, в котором Сам Господь пребывает с нами. И молитвы, которые нас соединяют с Ним и Его угодниками. Так что лучше не лениться и, отдавая честь священным текстам, **самим** читать. А то получается, что, упрощая свою духовную жизнь, мы сами у себя незаметно воруют. Кто всего лишь слушает молитвы, а сам не читает, тот вряд ли их выучит. А значит, они не станут ему своими, не прольются из сердца в какой-то особый важный момент. А еще у слушающего всегда есть соблазн заодно заняться каким-то делом, а у того, кто смотрит в текст, его нет. Читайте, не ленитесь. *Ибо кто имеет, тому дано будет, а кто не имеет, у того отнимется и то, что он думает иметь* (Лк. 8, 18).

Кстати, верить в поголовную безграмотность русских до революции не стоит. Это советский миф. В России, по сравнению с Европой, грамотных людей было гораздо больше. Всегда. В XIX веке у нас печатались журналы (литературно-художественных, литературно-исторических, научно-популярных, специальных по разным областям деятельности) больше, чем в любой стране Европы. Печатная продукция была обращена не только к высшим классам, но и к народу. Печатные листки и дешевые книжки «для детей и простого народа», нравственно-поучительные брошюры, избранные жития святых в пересказе печатались в немалом количестве. Правительство поощряло к этому книгоиздателей субсидиями. Благотворительность была особенно сочувственна к народному просвещению. Евангелие, Часослов, Псалтирь в крестьянских домах не были редкостью.

В 1837 году в Петербурге на набережной Мойки у дома 12, перед квартирой, где лежал умирающий Пушкин, среди почитателей поэта находились люди всех сословий. Предвидя слишком большое скопление народа при проводах поэта, гроб с его телом вывезли ночью. Это ли не показатель грамотности в стране? Если кому-то из наших современников удалось заглянуть в учебники, по которым учились крестьянские дети и дети рабочих в церковно-при-

ходских и земских школах (мне доводилось), то он непременно порадовался за них и посочувствовал сегодняшним ученикам. У меня сохранились учебники, по которым училась в церковно-приходской школе моя бабушка и ее братья и которые достались им по наследству от старших родственников. Насыщенные, но выверенные программы. Но главное – доступное и спокойное изложение материала. Настолько спокойное, что усвоить его может всякий ребенок. А еще – в них нет ничего лишнего, что отвлекает от основного.

Но вернемся к чтению как таковому. Чтение образует ум. Приучает думать. Заметно, что людям, не имеющим привычки читать, труднее осмысливать происходящее, делать выводы, строить прогнозы. Интернет дал возможность знать о любом факте, но не научил осмысливать его. Святитель Николай Сербский писал: «В прошлом люди мало знали, но много понимали, потом стали знать больше, но понимать уже меньше. Наступит время, когда знать будут всё, но ничего не будут понимать». Это время уже с нами. Интернету известно всё и обо всём: о прошлом, о настоящем, известны даже прогнозы на будущее. Но эти знания лишь о внешнем мире. О том, как **всё** это соотносится с **моим** внутренним миром, моей душой – этого нет. Душеобразующей силой обладает только религия и еще, в какой-то степени, традиционная культура. В первую очередь – словесная. Только не надо их менять местами, что порой происходит с людьми, слишком увлеченными культурой, слишком уповающими на нее и незаметно для себя обожествляющими ее. Только не может быть двух религий: *Никто не может служить двум господам: ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить, или одному станет усердствовать, а о другом нерадеть* (Мф. 6, 24).

Культура не может спасти человека, но может содействовать спасению. «Образование вообще не составляет верного и неперемennого средства против преступлений; но оно именно дает твердость и ясность понятиям. Образованный ум делается господином воли – добрые навыки получают через образование возможность являться к человеку на помощь в трудных случаях» (Н.С. Лесков). Чтение особенно способствует работе мысли, осознанию происходящего, осознанию себя. Мы мыслим словами, но часто словарь обыденной разговорной речи очень ограничен. Он служит только бытовым и семейным темам, хозяйственным расчетам и сегодняшним новостям. Словарь **человека читающего** гораздо обширнее, и мысли его выходят за пределы повседневного, и обдумывает он многое. Из слов человека видно, читает ли он, что читает, как читает, что ему близко. «По чтению можно узнавать и определять человека. Ибо каждый из нас есть то, **что** он читает; и каждый человек есть то, как он читает; и все мы становимся незаметно тем, что мы вычитываем из прочитанно-

го, – как бы букетом собранных нами в чтении цветов» (И. Ильин). Поэтому так важно уметь выбирать свое чтение. Умные люди (имею в виду академика Лихачёва) советуют читать классику, ту литературу, которая проверена временем. Добавлю, в первую очередь – отечественную классику. Она не только есть безошибочный выбор, она способна не только нести радость и утешение, она делает нас мудрыми, она объединяет нас в гражданское общество.

В мае мы вновь будем вспоминать нашу Победу. Вспоминать воинов, их ратный труд и подвиги. Вспоминать тех, кто в тылу трудился для Победы. Кто переносил в те годы тяготы лишений и сиротства. Будем снова восхищаться их единодушию, их единомыслию и общей вере в Победу. И вспомним тогда, что объединяла их в том числе и общая культура. И религиозная культура, и культура светская. В предвоенные и военные годы именно к русской культуре особенно были обращены кинематограф и книгопечатание: выпускались сборники стихов, классику ставили в театрах, она звучала по радио. И это помогло человеку осознать себя не мелким винтиком в жизни страны, а значимой частицей своего народа, верить в свои возможности и понимать свой долг. Культура тоже была оружием. Еще долго после войны сохранялась эта традиция наполнять радиозфир отечественной классикой – театральной, музыкальной и литературной. Сейчас очень редко можно услышать те записи литературных чтений или «театр у микрофона». Обращенные к простому человеку, неискушенному слушателю, с явным уважением к нему, они и сегодня **ложатся на душу**. А тогда каждый, слушая эти передачи, ощущал себя адресатом **великой культуры**. И это тоже помогало людям чувствовать свою принадлежность к единому народу. И не просто народу, а великому народу. Народу-победителю.

Почти 80 лет прошло с того дня, когда наши воины водрузили над рейхстагом знамя Победы. Но это не значит, что Отечество наше перестало нуждаться в защите. Оно нуждается в ней всегда, особенно сегодня. И сегодня культура может быть оружием. Родная литература ярко и образно показывает нам жизнь России во всем ее многообразии. Знакомит с разнообразием народных характеров, **«роднит»** с ними, дает почувствовать: это **свое**. Она, как писал Пушкин, пробуждает «чувства добрые» в людях, любовь к своему и своим, укрепляет чувство долга и ответственности. И что важно, правильные хорошие книги объединяют читателей, но не в какие-то организации и сообщества, а по духу, и это противостоит прогрессирующей в мире разобщенности, атомизации общества. Значит, они очень нужны нам. Чтение доступно каждому грамотному человеку, и те, кто любит его, кто привык к нему, и кто понуждает себя к чтению, и кто с трудом побеждает ради книги свою сонную лень, имеют у себя **бесценное сокровище**.